

© А.К. Салмин

САМОБЫТНОСТЬ ЧУВАШЕЙ В ВОСПРИЯТИИ АВГУСТА АЛЬКВИСТА

Ключевые слова: А. Альквист, самобытность, чувашаи, этногенез, история, этнография, язык

В работе ставится проблема выявления и анализа восприятия самобытности чувашей финским исследователем XIX в., членом-корреспондентом Императорской Санкт-Петербургской академии наук Августом Альквистом. Для этого автор статьи исследует не переведенные на русский язык статьи и архивные рукописи Альквиста, основанные на собранных в Среднем Поволжье материалах. Деятельность Альквиста освещается через серию экспедиций, снаряженных Императорским Александровским университетом. В XIX в. была заложена основа для научных поисков исторических корней финнов. Именно тогда взоры финских исследователей обратились к России: изучались не только коми, мокша, удмурты, черемисы, эрзя, но и тюрки, и монголы. Альквист, путешествуя по землям чувашей, мишарей и татар, собирал материалы по этногенезу, истории и этнографии этих народов, но особый интерес ученого вызывали их языковые особенности. Большое внимание в своих исследованиях Альквист уделял чувашам, отмечая, что в историческом плане они представляют собой самобытный этнос, отличающийся от всех своих соседей.

Происхождение чувашского народа до сих пор окутано мраком: часть ученых относит его напрямую к финской народной группе, другие выделяют за чистого сородича тюркского языка (Ahlquist 1857c: 145).

Начнем с вынесенного в заглавие настоящей статьи термина “самобытность”. Самобытность “выражается не только в политических проектах и националистической риторике, но и в повседневных столкновениях, практических категориях, знании здравого смысла, культурных идиомах, когнитивных схемах, сигналах во взаимодействии, дискурсивных фреймах, организационной рутине, социальных сетях и институциональных формах” (*Брубейкер* 2012: 15–16). Современные исследователи, желая соответствовать международным стандартам, вместо понятия “самобытность” чаще используют “идентичность”. Но, по признанию Р. Брубейкера,

Антон Кириллович Салмин | <https://orcid.org/0000-0002-1072-9933> | antsalmin@mail.ru | д. и. н., ведущий научный сотрудник | Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Университетская наб. 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия)

Этнографическое обозрение. 2021. № 2. С. 97–110. <https://doi.org/10.31857/S086954150014809-9>

© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН
ISSN 0869-5415 | Индекс 70845 | <http://journal.iea.ras.ru>

термин “идентичность” крайне неясен и безнадежно расплывчат. По моему мнению, его в русском языке вполне можно заменить “самобытностью” — не только повседневым, но и имеющим глубокий смысл отечественным термином. Совсем рядом в смысловом плане стоят “этничность”, “особенность” и “самосознание”. В статье будем использовать “самобытность” в качестве адекватного синонима “идентичности”.

* * *

В 1809 г. территория Финляндии вошла в состав России как автономное образование. Тогда императором Александром I для Великого княжества Финляндского были сохранены ранее действовавшие на его территории конституция и шведские законы, опиравшиеся на Акт о форме правления. Сам факт объединения и события, связанные с ним, заложили основу финско-российского сотрудничества в самых разных направлениях и способствовали появлению новой плеяды финских ученых.

Поскольку Россия не хотела, чтобы Швеция сохраняла свое влияние на этой территории, она поддерживала “лидеров Финляндии в их стремлении создать самобытную финскую культуру на основе древних традиций прибалтийско-финских народов и развития финского языка как языка преобладающей части населения страны” (Нилова 2009: 64). Финноязычные народы в многонациональной России всегда занимали особую нишу. “Экспедиции А.И. Шёгрена, М.А. Кастрена, Э. Лённрота и А. Альквиста открыли финнам мир российских финно-угров, изучение которых стало неотъемлемой частью суверенизации национальной гуманитаристики” (Загребин 2017: 35). Период этих исследований начиная со второй половины XVIII в. можно смело назвать “временем Лённрота”. Но в начале нового столетия нужно было искать новые, малоизведанные области для полевых наблюдений.

К середине XIX в. большой международный интерес вызывали работы финских ученых, изучающих финно-угорские народы России, в т.ч. чувашей. Об этом свидетельствует, например, то, что в 1857 г. письма финского исследователя А. Альквиста об экспедиции 1856–1857 гг. к чувашам Казанской и Симбирской губерний были опубликованы на финском и немецком языках в России, а в 1858 г. в Германии.

Карл Август Энгельбрект Альквист (Karl August Engelbrekt Ahlqvist, 1826–1889) окончил Императорский Александровский университет в Гельсингфорсе. В 1847 г. он получил степень магистра философии Александровского университета, а в 1860 — степень доктора философии. Э. Винклер справедливо назвал А. Альквиста “первооткрывателем финского чувашеведения”; в XIX в. он был единственным иностранным членом Российской академии наук, обратившим пристальное внимание на чувашей. Поскольку А. Альквист был не только профессором, ректором Императорского Александровского университета (1884–1887 гг.), но и литературным критиком, и поэтом, он так и не нашел времени, чтобы издать материалы из своих чувашских и татарских коллекций. Рассказывают, что он шутил: “Вот когда мне будет 80 лет, я поеду еще раз к чувашам, а затем опубликую собранные материалы” (Aalto 1971: 89). К сожалению, приходится констатировать, что письма А. Альквиста, вышедшие в 1957–1858 гг., как и другие рукописи исследователя (SKSA 1, 3), так и не были переведены на русский язык.

Цель настоящей статьи — представить наследие финского исследователя русскоязычному читателю, проанализировать труды А. Альквиста о чувашах, акцентировав внимание на его видении самобытности этого народа.

Финские исследователи в поисках исторических корней

Поход А. Альквиста в Среднее Поволжье, положивший начало его научной работе среди финно-угров и тюрков этого региона, следует рассматривать в русле идеи

поиска своих исторических корней, характерной для финских исследователей середины XIX в.

Начало фундаментального изучения финских народов России справедливо связывают с именем академика Санкт-Петербургской академии наук А.М. Шёгрена (1794–1855). Его “проект ширококомасштабной экспедиции по местам расселения финноязычных народов России сроком на три года” (Киселёва 2011: 3) поддержал граф Н.П. Румянцев. Экспедиция затянулась на пять лет, она охватила многие губернии Российской империи, в т.ч. Казанскую.

Большой вклад в развитие финно-угорского направления внес М.А. Кастрен (1813–1852) – знаменитый финский исследователь XIX в. Его методологические взгляды формировались в ходе продолжительных полевых экспедиций. Появление в 1835 г. “Калевалы” Э. Лённрота подогрело интерес М.А. Кастрена к финскому фольклору. “Подъем феннофильского движения и национально-романтические настроения не могли не оказать влияния на выбор его жизненного пути” (Салминен 2004). С помощью служившего в Гельсингфорсе солдата-марийца он учил черемисский язык, а, будучи в Казани, во время экспедиции ученый завершил составление марийской грамматики. Прочитанная в 1849 г. М.А. Кастреном публичная лекция была названа весьма символично: “Где находится колыбель финского народа?”; исследователь доказывал, что финны родственны и тюрко-, и монголоязычным народам.

В конце XIX – начале XX в. финская тематика разрабатывалась в университетах, научных обществах и духовных семинариях, ею занимались представители научной общественности Поволжья и Приуралья, а Казанский университет стал центром таких исследований (Карм 2019: 40–41). В плеяде выдающихся исследователей того времени выделим особо несколько имен. В первую очередь это действительный член Финляндской академии наук, финский языковед, фольклорист и этнолог Х. Паасонен (1865–1919). Х. Паасонен собирал полевые материалы среди мишарей, мокши, остяков, вогулов, черемисов, чувашей и эрзи, уделяя особое внимание этнографии и анализу лингвистических данных. Так, например, в мордовских языках он нашел более 20 древних чувашских слов – по его мнению, эти слова вошли в мордовские языки до XIII в. На основе своих тюркских сборников Х. Паасонен сделал описание казанских татар, а 1908 г. вышел в свет его “Чувашско-венгерско-немецкий словарь” (*Csuvasz szójegyzek*). Особенно ценны записи фольклорных текстов, сделанные Х. Паасоненом. Уже после смерти ученого в 1949 г. его учениками были опубликованы материалы по чувашскому фольклору и этнологии, в 1953 г. вышел сборник мишарско-татарского фольклора, в 1962 г. – небольшой сборник татарских песен, а в 1965 г. был издан словарь татарского языка (Aalto 1971: 110–111). Как видим, Х. Паасонен, исследуя восточных финнов, в круг своих научных интересов включал чувашей, мишаров и татар. Он, с одной стороны, искал финские следы в языках этих народов, а с другой – подчеркивал их исключительную самобытность.

Необходимо отметить вклад в исследование проблем финно-угроведения и финского этнографа, доктора философии, профессора Хельсинкского университета Ю. Вихманна (1868–1932). В возрасте 23 лет ученый совершил свое первое путешествие по России. Он занимался изучением диалектов и народной поэзии удмуртов. В 1901 г. им была предпринята экспедиционная поездка в край коми, а затем Ю. Вихманн отправился в Казань для работы в архивах. В 1905–1906 гг. ученый совершил еще одно путешествие по землям марийцев. В Императорском Александровском университете Ю. Вихманн занимался систематизацией собранных материалов, ему принадлежат труды по фольклору и этнографии марийцев.

Экспедиция Августа Альквиста в Среднее Поволжье

Финские научные экспедиции к народам Среднего Поволжья ставили задачу зафиксировать и изучить исторические факты и лингвистические материалы, собранные среди восточных финнов. Немалый интерес представляли соседи черемисов и мордвы — чувашаи, мишари и татары. Вставал вопрос: не являются ли эти три народа родственными финнам. Большая часть экспедиций была организована на средства (стипендии) Императорского Александровского университета. Выезжающие “в поле” проходили соответствующую подготовку в основном в его стенах, а на местах у них была возможность углубить свои знания. А. Альквисту предстояло обследовать вогулов, мишарей, мордву, остяков, татар, черемисов и чувашей.

19 февраля 1856 г. А. Альквист отправляется из Гельсингфорса в свое почти трехлетнее путешествие. В Санкт-Петербурге ученый задерживается на три недели — он оформляет необходимые документы и отбирает в библиотеках города соответствующую литературу. Чтобы не терять время, уже в Петербурге А. Альквист начинает готовиться к изучению чувашского языка, знакомится с источниками на нем — он сам упоминает об одной рукописи (*Korhonen* 1993: 57; *Winkler* 2008: XLIII; *Винклер* 2009: 116). К тому времени в петербургских архивах действительно накопилось изрядное количество таких материалов, но о каком из них идет речь, мы пока не можем сказать определенно. Это могут быть и сочинения участников академических экспедиций XVIII в., и первая чувашская грамматика, и рукопись К.С. Мильковича по этнографии чувашей.

О начале своей длинной экспедиции А. Альквист в дневнике сделал такую запись:

Как видно из моего плана поездки, целью моего путешествия было более тщательное изучение финноязычных народов, живущих в окрестностях Волги и Урала. После моего отъезда из Гельсингфорса ради этой цели 19-го февраля 1856 я задержался в Петербурге три недели, и часть этого времени провел, собирая научные сведения, а часть — получая такие выдаваемые правительством вспомогательные бумаги, без которых путешественник в этой стране попадает под произвол каждого бессовестного чиновника, и без которых никакой государственный орган в России не отправит в поездку своих представителей (*Ahlqvist* 1857a: 215).

Из-за такой задержки только 21 марта 1856 г. А. Альквист прибыл в Казань — первую точку большого путешествия. В Казани он работал в библиотеках: копировал старые чувашские рукописи, собирал грамматический и лексический материалы (*Aalto* 1971: 89; *Загребин* 2020: 118). В это время занятия ученого чувашским языком в основном заключались в проработке перевода Евангелий вместе с В.П. Вишневым; последний помог А. Альквисту сделать копию со своего словаря, в котором были лексемы, встречающиеся в переводе. Об этих днях А. Альквист, в частности, писал: “Уже в Казани я начал изучение чувашского языка. Литературы имеется очень мало... Мое занятие языком в Казани состояло в том, что я при помощи природного чуваша, церковного служителя прочитывал перевод Евангелий” (*Ahlqvist* 1858: 40). О том, что в изучении чувашского А. Альквисту помогал и студент духовной академии Яков Фортунатов, узнаем из переписки ученого с Н.И. Ильминским. В 1889 г. Н.И. Ильминский, вспоминая встречи с А. Альквистом, писал: “Ваше любезное письмо от 18/30 января напомнило мне Ваше пребывание в Казани. Это было около 1856 года. Вы тогда отчасти занимались чувашским языком со студентом Академии Яковым Фортунатовым” (*SKSA* 2: Ark. 6). Кроме того, в течение месяца гость из Финляндии упражнялся в татарском — его учителем был мулла Биктемир Юсофов (*Ahlqvist* 1857c: 146–147; *Winkler* 2008: XLIII–XLIV).

30 мая 1856 г. А. Альквист покидает Казань и отправляется в Чувашию. На следующий день он оказывается в Цивильске, а 2 июня 1856 г. добирается до с. Ишаки

на р. Унга — первой остановки на долгом пути. В этом селе финский исследователь провел полных шесть недель. Почему было выбрано именно это неприметное место, не совсем ясно из его отчетов. Сам он писал, что село располагается на стыке четырех ареалов, в которых живут чувашаи, — Чебоксар, Цивильска, Ядрина и Козьмодемьянска, в нем есть церковь с известной во всей округе иконой Николая Чудотворца. Возможно, ученый увидел здесь хорошие возможности для приумножения своих языковых навыков (*Winkler* 2008: XLV; *Винклер* 2009: 117). В Ишаках А. Альквистом был собран объемный грамматический и лексический материал, около 50 песен и около 100 загадок. Почти все образцы речи записаны от одного человека — певца, жившего недалеко от села (*Ahlqvist* 1857c: 147; *Winkler* 2008: XLIV–XLVII).

В переписке с коллегами А. Альквист жаловался, что полевое исследование в Ишаках с самого начала было чрезвычайно сложным, т.к. здесь не было ни одного грамотного человека. Его информантом стал мужчина-чуваш, понимающий русский язык. Условия для работы оказались невыносимыми: отсутствие продуктов питания, засуха, комары. Русская хозяйка, у которой ученый жил, смотрела на него как на безбожного лютеранина. Несмотря на это, он оценивал результат своего пребывания в Ишаках как весьма “достойный”, в особенности в части сбора грамматических и лексических данных. Первая часть рукописи *Tschuwaschiska* (русско-чувашский перечень слов) создана именно здесь, т.к. в конце перечня стоит дата: “13 июля 1856 г.”.

“В конце июля 1856 г. из с. Ишаки я поехал в Козьмодемьянск, уездный город на берегу Волги, если можно назвать городом группу убогих, подпертых развалюх, в которых живет пара-тройка тысяч крестьян, несколько десятков... уездных чиновников и около сотни соответствующих им голодных писцов” (*Ahlqvist* 1857c: 147). Одним из двух главных козьмодемьянских информантов А. Альквиста стал чуваш С.М. Михайлов, занимавший при уездном суде должность переводчика на чувашский язык и одновременно являвшийся секретарем уездного главы. С.М. Михайлов много писал для Казанской губернской газеты о древних временах, обычаях и обрядах своего народа; как автор этнографических очерков он был известен даже в Санкт-Петербурге — Императорское географическое общество избрало его своим корреспондентом. Вторым информантом стал священник козьмодемьянского Троицкого собора В.П. Громов, много лет работавший над словарем чувашского языка. Свою рукопись В.П. Громов отправил в Санкт-Петербург, где она, несмотря на все препоны, попала в Академию наук. С помощью этих двух человек А. Альквист в течение трех недель занимался изучением чувашского языка и сбором лингвистического материала. “Теперь мои собрания достигли того состояния, что, даже если бы у меня не было времени подготовить их к печати, кто-нибудь другой легко смог бы выполнить эту работу”, — писал исследователь (*Ahlqvist* 1857a: 217).

До последних дней сентября 1856 г. А. Альквист занимался языком горных черемисов, проживающих в окрестностях Козьмодемьянска. Об этом свидетельствует и его письмо от 6 августа 1856 г. академику Санкт-Петербургской академии наук А.А. Шифнеру (*Ahlqvist* 1857a: 217). Ученый провел три недели в черемисских деревнях Юльялы и Еласы. В Еласах ему любезно помогал приходской священник М.С. Кроковский, который долгое время изучал черемисский язык; он составил большой словарь черемисского языка, рукописный вариант которого отправил в Петербургскую Академию наук (*Ahlqvist* 1857b: 239).

В конце сентября 1856 г. А. Альквист возвращается в Казань, где наряду с изучением татарского языка занимается упорядочением собранных им чувашских языковых материалов и работает в фондах университетской библиотеки. А в самом конце 1856 г. он отправляется на юг губернии. До первого намеченного пункта — губернского г. Буинска он добирается только в последних числах января 1857 г., оттуда практически сразу следует в Ардатов, останавливаясь “в основных, расположенных

на пути из Буинска до этого места, чувашских деревнях” (*Ahlqvist* 1857b: 239). Задерживаясь в каждой из них (иногда на неделю), А. Альквист занимается исследованием низового (вернее, “полевого” — *xирми*) диалекта чувашского языка, пополняя свою языковую коллекцию. На этом эпизоде заостряет внимание и А.Е. Загребин, он пишет: “Зимой 1857 г. А. Альквист начал мордовский этап экспедиции, но прежде задержался в Буинском уезде, дополнив свои материалы образцами низового диалекта чувашского языка” (*Загребин* 2020: 118). В отчете о своем путешествии, опубликованном в “Вестнике Финского литературного общества”, А. Альквист отметил необходимость изучения чувашского и татарского языков для познания языков поволжских финнов: по его словам, около трети словарного запаса черемисов — а речь идет о лексике “высокой” культуры — имеет тюркское происхождение. С другой стороны, финно-угорские языки также оказали влияние на чувашский язык. В связи с этим очень интересны подробные описания татар и чувашей (*Aalto* 1971: 89; *Winkler* 2008: XLVIII), сделанные А. Альквистом. У него создается четкое впечатление, что в Буинском уезде чувашаи говорят на “отличающемся диалекте” (*Ahlqvist* 1858: 56).

Взглянув на карту, можно определить маршрут путешествия А. Альквиста. Так, если он следовал по санному пути из Буинска в Ардатов, то вполне мог посетить следующие населенные пункты: деревни Чураково и Новое Байдеряково со смешанным татарско-чувашским населением; чувашское село Лаш-Таяба; татарскую деревню Ишмурзино-Суринск; чувашские села и деревни Кошки-Куликеево, Тойси, Старое Ахпердино, Батырево; татарскую деревню Шыгырдан; чувашские Норваш-Шигали, Тарханы, Сигачи, Большое Чеменево, Старые Айбеси; г. Алатырь; русское село Ахматово; уездный город Ардатов. Как видим, А. Альквисту было что с чем сравнивать: на своем пути он встречался с татарами, чувашами, русскими, а также с мордвой в окрестностях Ардатова. Занимаясь выявлением языковых, этнографических и исторических связей финнов с народами Среднего Поволжья, особое внимание А. Альквист уделял чувашскому языку. Он все время ставил перед собой вопрос: в чем специфика и самобытность чувашей в контексте финноязычного мира?

Вопросы этногенеза и истории чувашей в трудах Августа Альквиста

Изначально весьма обширные цели в ходе экспедиции были конкретизированы и структурированы. А. Альквист писал:

При более точном рассмотрении моей цели путешествия мне показалось, что моей первой задачей должно стать исследование чувашского языка. Происхождение чувашского народа до сих пор окутано мраком, в то время как часть ученых относят его напрямую к финской народной группе, другие выдают его за чистого сородича тюркского языка, не останавливаясь на подробном рассмотрении того, что может подтверждать родство больше, чем что-либо, а именно — языка (*Ahlqvist* 1857c: 145).

Но ни первые, ни вторые, отмечал А. Альквист, не приводили никаких неопровержимых доказательств своей точки зрения. Чувашский язык, писал ученый, на севере соседствует с черемисским, а на юге смешивается с мордовским — такое историко-географическое положение оказывает существенное влияние на него. С другой стороны, и сам чувашский язык влияет на оба этих языка, в особенности на черемисский.

А. Альквист серьезно размышлял над этимологией этнонима *чувашаи*. Задавая вопрос: что же могло обозначать это название? — он обращался к опыту А.М. Кастрена. В своих путевых записях А.М. Кастрен отмечал, что название *мордва* происходит от *mort/murt* (“человек”) + *va* (“вода”), а *вотьяк* — от *vot* (также “вода”). А. Альквист при анализе этнонима “чувашаи” руководствуется тем же подходом:

Вода здесь называется словом *шу* (*schu*), к которому, как и к другим заканчивающимся на *у* (*u*) односложным словам, перед начинающимся на гласную аффиксом в качестве соединительного звука присоединяется *в* (*v*), например, *шувá* (*schuvá*) “воде”, *тувá* (*tuvá*) “горé”... Подобным образом слово *чуваши* могло обозначать человека, который живет на реке с незапамятных времен (*Ahlqvist* 1857a: 237, 1857c: 160, 1858: 58–59).

Так как указанное происхождение очень естественно (до тех пор, пока не будет найдено лучшее трактование), А. Альквист для себя определил его как единственно приемлемое объяснение названия *чуваши* (*Čuwaš*). Предположение, высказанное ученым, до сих пор бытует в сочинениях поволжских исследователей (напр., в работах лингвиста М.З. Закиева).

А. Альквист сетует на то, что история чувашей “еще более темная, чем у черемисов”. А об истории черемисов до господства татар (т.е. до XIII в.) он писал, что она так же не ясна, как и история Финляндии до времен господства шведов. Самым благородным промыслом черемисов, по всей вероятности, было выращивание скота, хотя, возможно, они были знакомы и с земледелием. Однако из их языка следует, что первоначальные сельскохозяйственные знания они получили при татарах (*Ahlqvist* 1858: 57–58).

Если о черемисах, как и о пермяках (= зырянах?) пишет Нестор в конце XI – начале XII в., то первые упоминания о чувашах в связи с Казанским походом Московии датируются 1551 г. “Тогда под каким же именем ходили чувашаи во времена Нестора, ведь они существовали в мире?” – задается вопросом финский путешественник (*Ahlqvist* 1857b: 243, 1858: 59).

Сначала А. Альквист, как и М.А. Кастрен, был склонен принимать чувашей за татаризованных черемисов. На такое предположение его натолкнула большая схожесть обычаев, образа жизни и внешнего вида этих народов. И это действительно так. Более того, тесное соприкосновение двух соседних языков привело к образованию общего лексического фонда, куда входят слова как тюркского, так и восточно-финского происхождения. Но исторические связи чувашей прослеживаются не только с черемисами, к числу таких народов А. Альквист относил также болгар и буртасы.

Исследователя волновал вопрос: “Кто такие болгары?”. В своих работах 1857–1858 гг. он вкратце приводит средневековую историю этого народа. С IX или, по крайней мере, с X в. известно государство (и город) *Булгар* (*Bulgar*), находившееся в среднем течении р. Волги. Булгар был хорошо известен своим богатством и развитой культурой далеко на востоке и на западе благодаря торговым связям государства. Булгар часто упоминается авторами того времени, особенно арабами. После завоевания монголами в 1236 г. Булгар постепенно исчез, сохранились лишь его останки на левом берегу Волги в Спасском уезде Казанской губернии. И монеты, найденные на городище Булгар, и могильные надписи как ничто другое доказывают, что его жители верили в Мухаммеда и в основном относились к татарскому народу. Тем не менее среди его подданных были и мордва, и вотяки, и черемисы (*Ahlqvist* 1857b: 243–244, 1858: 59–60).

Высказывает А. Альквист свои соображения и о буртасах. Он пишет, что буртасы жили на правом берегу Волги. Их земли располагались вдоль реки между землями хазаров и булгар, т.е. на территории Саратовской и Симбирской губерний. Их язык отличался от языка соседей. В буртасах видят праотцов современных чувашей, поскольку территория, где они прежде жили, пестрит чувашскими топонимическими наименованиями: то тут, то там можно обнаружить деревни с чувашскими названиями, где живут представители самых разных народов, что, без сомнения, свидетельствует о том, что чувашаи раньше жили в той местности. Естественно предположить, что натиск монголов принудил чувашей переместиться

севернее, считал А. Альквист, и так они оказались на своих нынешних территориях (*Ahlqvist* 1857b: 244–245, 1858: 60).

А. Альквист отмечал, что, несмотря на все исторические, культурные и лингвистические параллели, чуваша представляют собой самобытную народность, отличающуюся от всех своих соседей.

Вопросы антропологии чувашей в трудах Августа Альквиста

Хотя язык этого народа, делился своими впечатлениями путешественник, демонстрирует близкое родство или, по меньшей мере, сильное смешение с татарским, чуваша и татары мало похожи друг на друга. Татарин высокий и крепкий, чуваш маловатый, худой и редко плечистый. Татарин лишь иногда бледный, чаще краснощекий и совсем светлокожий. Чуваш, напротив, бледноватый и намного более темнокожий, очень редко можно увидеть среди этого народа светлокожих людей. Тот, у кого была бы возможность поближе познакомиться с обоими народами, обнаружил бы большое различие в их характере. Так, чуваш очень застенчивый и робкий, отдалается от своего родного дома только в экстренном случае; от русских он старается скрыть свою национальность, что ему редко удается, т.к. он слишком твердолюб, чтобы выучить русский язык. Татарин же, наоборот, бродит со своим товаром по всему свету, не стесняется ни своей национальности, ни своей веры и точно так же устанавливает свои обычаи и религиозные обряды на рыночных площадях иностранцев, как в уединенности своего гарема. Поэтому другие народы, особенно русские, уважают татар, в то время как над чувашами они подсмеиваются и подшучивают (*Ahlqvist* 1857a: 219–220, 1857c: 148–149, 1858: 43). Вот такие характеристики от финна. Впрочем, его впечатления недалеко от правды.

К обычным видам зерновых в Чувашии, писал А. Альквист, относятся рожь, ячмень, овес и гречиха, пшеницу сеют редко. Территория среднего течения Волги от Нижнего Новгорода до Саратова представляет собой большую кладовую, из которой вся Северная Россия и немалая часть остальной Европы получают хлеб. Кроме земледелия достаточную прибыль приносят лесное хозяйство и пчеловодство, служба на кораблях на Волге и Каме; на севере губернии, где раскинулись густые леса, — лесная охота — трудный промысел лесных черемисов. В остальных районах губернии, особенно в местах проживания чувашей, очень мало лесов, кроме тех больших дубрав, которые оберегаются во благо короны и пользоваться которыми сельским жителям строжайше запрещено. Из-за недостатка древесины у чувашских деревень очень нищенский внешний вид: их избышки и сараи маленькие, а большинство пристроек плетеные. Как заборы, так и крыши покрыты соломой, которая быстро чернеет и придает селам мрачный вид. Правда, население этих сел довольно плотное, в некоторых селах бывает до 60, 80 и даже 100 дворов (*Ahlqvist* 1857c: 148). Эти наблюдения сделаны финским исследователем в основном среди верховых чувашей. Поселения низовых (= полевых) чувашей более крупные. Например, в с. Старые Алгаша на р. Цильна в годы экспедиции А. Альквиста насчитывалось 250 дворов. А в наши дни — более 1000 домов.

В одежде чуваша и татары тоже не похожи, т.к. последние одеваются по-восточному. А у чуваша всегда лыковые лапти, вместо чулок — оббитые до колен веревкой шерстяные онучи, по ворсу и цвету которых узнают, из какого уезда этот чуваш. У женщин, напротив, оригинальный костюм, который летом очень прост — рубашка, которая спускается ниже колен; на ногах они носят лапти, как мужчины, и на голених — такие же гетры, только гораздо большего размера, т.к. чувашка считает себя тем более привлекательной, чем крупнее ее нога ниже колена. Общая черта в костюмах черемисок, морденок и чувашек — использование в качестве украшений серебряных монет. У чувашек они встречаются не только на лентах в волосах и лентах,

ниспадающих за ушами длиной в одну пядь, но и на так наз. *шўлкемэ* (*Schūlgemé*). *Шўлкемэ* представляет собой кожаный нагрудный щиток длиной восемь и шириной четыре дюйма, свисающий на кожаных ремнях с шеи на грудь. Лицевая сторона его полностью покрыта нашитыми серебряными монетами. Несомненно, по стоимости того, что снаружи украшает грудь, следовало судить о внутренних богатствах женщины — богатствах ее сердца. Голову чувашки оборачивают белым платком, края которого свисают на плечи, летом, однако, его носят редко. Так они одеваются только по очень торжественным случаям, таким как свадьба. Я видел на чувашках шапку, пишет путешественник. Эта шапка также вся усеяна серебряными монетами (*Ahlqvist* 1857a: 220–221, 1858: 43–45) — имеется в виду женский головной убор *хууну*. Отметим, что некоторые наблюдения исследователя, касающиеся одежды, относятся только к верховым чувашам (напр., обматывание женщинами сукном ног ниже колен для утолщения их).

Хотя, как замечает А. Альквист, бо́льшая часть чувашей крещеная (чувашки крещены в греческую веру в 1743 г. так успешно, что среди них найдется лишь несколько тысяч некрещеных), они не отказались от своих старых божеств, которым ежегодно приносится жертва — лошадь, бык, корова, баран, гусь или курица. Когда закалывают животное, кровь весьма бережно выпускается в маленькую кадочку, называемую *чирясом*, так, чтобы ни одна капля не упала на землю. С этой кровью смешивают небольшое количество муки, лепят шарики, варят их и съедают (SKSA 1: Ark. 212–213). Жертвоприношения предназначены либо божествам, либо *Куреметам* (*Keremet's*), они бывают общими — с участием всех жителей деревни или нескольких деревень — и частными, приносимыми одним человеком или отцом семейства. Все это, как и вид, и способ принесения жертвы, и ее объем, определяет так наз. *юмзе* (*Jomse*) — знахарь (*Ahlqvist* 1857a: 225–228, 1857c: 153–154, 1858: 48–50).

По мнению финского исследователя, в ряду других верований религиозная система чувашей занимает странную позицию: это ни христианство, ни ислам, ни чистая народная вера (*pakanallisen uskon*) — это соединение их частей. Возможно, в основании этого сплава лежит народная вера. До того как греческое христианство проникло в дома чувашей, они находились под господством татар. Но веру татар они никогда не исповедовали, что является веским аргументом в споре с теми, кто хочет сделать из чувашей чистых татар, полагал путешественник. Тем не менее у чувашей сохранились следы религиозных обрядов татар: некоторые чувашки сбрасывают волосы, все они, в т.ч. крещеные, отдыхают в пятницу, а не в воскресенье. Как заимствование от татар также можно рассматривать обычай есть конину и отворачивание к свинине, которую чувашки по-прежнему не употребляют в пищу (*Ahlqvist* 1857a: 221–222, 1857c: 150, 1858: 45–46).

В качестве небесных божеств чувашей упоминаются: *Џўлми тóра* (*Sūldi Tóra*) — Верховное божество, властитель мира, который спускается на землю только в пятницу, чтобы проверить, не выполняют ли люди в выходной день запрещенную работу, не топят ли женщины избу в эти дни до обеда — за эти провинности он насылет кару; *Кéбе* (*Kébe*) — судья, заботящийся о поддержании и осуществлении справедливости между людьми, но во второй половине XIX в. чувашки уже не считали *Кéбе* особо могущественным, поэтому не очень его почитали; *Пухамнáp* (*Pihambár*) — покровитель домашнего скота. Сложно сказать, почему это божество имеет имя, которое у мусульман означает не что иное, как пророк, пишет А. Альквист (*Ahlqvist* 1857a: 222, 1858: 45–48).

Как полагал исследователь, в душах чувашей к традиционной вере (*pakanallisen uskon*) начинают примешиваться и части христианства, например учение о троиственности и догмат о Богоматеринстве (именно по греческой религии) и т.д. Все это хорошо уживается с древними представлениями чувашей (SKSA 1: Ark. 231). По мнению А. Альквиста, чувашки в религиозно-обрядовом аспекте, несмотря на параллели

с соседними народами, поздние заимствования и влияние православия, совершенно самобытны.

Вопросы чувашского языка в трудах Августа Альквиста

В 1856 г., когда А. Альквист целенаправленно готовился к своей экспедиции к чувашам, он планировал на основе собранных языковых фактов прояснить происхождение языка этого народа. В своих путешествиях он записал большой объем лингвистического и этнографического материала. В выборе объектов исследования А. Альквист руководствовался следующим: это должны были быть еще не изученные или слабо изученные народы, не входившие в программу М.А. Кастрена. Работы А. Альквиста, посвященные практически неизвестным в то время языкам мокши-мордвы, вогулов и чувашей, стали новаторскими и привлекли внимание широкого круга ученых.

Представления о чувашском языке и его отношениях с другими языками были весьма расплывчатыми. Предполагалось, что он входит в группу финно-угорских языков. Чувашские материалы, собранные А. Альквистом, составили почти 300 широкоформатных страниц, они послужили толчком к дальнейшим полевым исследованиям в этой области (*Korhonen* 1993: 56–57; *Winkler* 2008: XLI).

Чуваши, которых считают низовыми чувашами... говорят на немного ином диалекте, чем часть этого народа, которую я знал до сегодняшнего момента... Скажу только то, что подобное добавление к моим чувашским знаниям было весьма полезным для этого моего произведения, и что последнее я не могу считать полным до того момента, пока не узнаю чувашей, находящихся также в Самарской и, может быть, и в Саратовской губерниях (*Ahlqvist* 1857b: 241).

До А. Альквиста почти все отдельные исследователи и академические экспедиции, изучающие чувашский язык, проезжали по северу Чувашии, в лучшем случае на короткое время останавливаясь в Чебоксарах. А П.С. Паллас и И.И. Лепехин, прошедшие южнее, не интересовались языковыми особенностями населения Причеремшанья. Хотя П.С. Паллас и издал свой знаменитый двухтомный словарь, но в языковедческом плане известен он был в основном как кабинетный исследователь.

Рукопись А. Альквиста *Tschuwasschiska* объемом 232 листа, опубликованная под редакцией академика Венгерской академии наук К. Адягаши (*Ahlqvist* 2008, 2010), состоит из нескольких частей:

1. Русско-шведский словарь (с. 2–116), подразделяющийся на русско-чувашский перечень слов (с. 3–64), чувашско-русский перечень слов (без заглавия) (с. 65–90) и чувашско-шведский перечень слов к чувашским языковым образцам (с. 91–116).

Русско-чувашский словник наряду с русскими заголовочными словами содержит и вариант чувашского произношения. Указанное первым чувашское слово передает произношение на диалекте *вирьял*, второй вариант (если имеется) – произношение на диалекте *анатри*. Чувашско-шведский глоссарий *Tschuwasschiska språkprof* содержит материалы двух чувашских сказок: “Несчастный волк” и “Гусыня, несущая серебряные яйца” (*Agyagási* 2008: XXI–XXIV). Приведем несколько примеров из русско-шведского словаря: дядя – *kokki, täd’ä’*; гроб – *kistén’*; пятница – *ern’ä’-kon, mun-arni-kon*; север – *adyl-jen’* (*Wolgan-puoli*), *ji’lym-jen’*; тройцын день – *sül’e-prásnik*.

2. Грамматика чувашского языка на шведском языке (с. 117–178).

3. Чувашские языковые образцы (с. 179–231).

4. Краткое описание чувашских суеверий (с. 208–219).

А. Альквист признавался, что он изначально, как и М.А. Кастрен, считал чувашей отатарившимися черемисами. К этому заключению он пришел на основании большого сходства между этими двумя народами, проявляющегося в обычаях, способе существования, внешнем виде и, что более весомо, в языках. Изучение чувашского

языка, полагал исследователь, также предполагает изучение финского языка, ибо на севере он близок к соседнему черемисскому, а на юге — к мордовскому. Чувашский язык оказал сильное влияние на оба этих языка, особенно на черемисский, одновременно и сам воспринимая их воздействие. Однако наличие сходной лексики еще не говорит о родстве языков.

В ходе изучения литературы и во время полевых исследований А. Альквист пришел к выводу, что чувашаи — единственные носители языка волжских булгар, доминировавших до XVI в. в Волго-Камье. Более того, ученый заявил о “тюркском облике” чувашского языка. Открытия А. Альквиста привели к тому, что чувашский язык стал предметом научных дискуссий, его изучение было признано очень важным для изучения истории контактов тюркских и финно-угорских языков (*Agyagási, Winkler 2008: XI–XIII*).

Критика взглядов Августа Альквиста

Объективная критика взглядов финского исследователя дана Э. Винклером (*Winkler 2008*). А. Альквист мыслил в рамках старой научной парадигмы и довольствовался конкретными примерами, считает Э. Винклер. От себя добавим, что он игнорировал аналитику. Выводы А. Альквиста весьма расплывчаты. Впрочем, такие замечания в его адрес были высказаны и Г. Эрманом — редактором серии “Archiv für Wissenschaftliche Kunde von Russland”. Критики отмечают, что А. Альквист по неизвестной причине игнорировал чувашеведческие студии В. Шотта, хотя, несомненно, знал о них и даже побывал на родине немецкого филолога.

Невозможно принять этимологию слова *чувашаи*, предложенную А. Альквистом вслед за М.А. Кастреном, он связывал этноним со словом *шыв* (“вода”) — современные исследования не подтверждают этого (*Салмин 2019: 17–34*). Отметим и некоторые неверные переводы чувашских слов, вошедших в его словарь (*Ahlqvist 2008: 117–178*): например, *scyrbyk* — “щепа”, в то время как *scyrbyk (uäpnäk)* — “заноза”, а “щепа”/“щепка” — *турнас*; слово *pagardá (накарта)* переведено как “селезёнка” (а должно быть *сула*), тогда как оно означает “желудок”.

А. Альквист дает пессимистичный прогноз, предсказывая будущее чувашского народа, основанием для этого служит то, что чувашаи (как мужчины, так и женщины) не владеют русским языком. Он пишет, что если и есть в их деревнях русские, то это священники, и заключает:

Письменности на чувашском языке не найдется, а тот пяток книг, которые отпечатаны на нем, настолько плохо переведены, что обычно чуваш говорит *pilmästip* “не понимаю”, когда их пытаешься ему прочитать... У этого бедного в людских глазах языка не будет иного будущего, кроме как забвение (*Ahlqvist 1857b: 249–250, 1858: 64*).

Однако вопреки необоснованному прогнозу финского ученого у чувашей буквально через десять лет появились азбука и новая письменность на кириллице.

Один из серьезных недостатков А. Альквиста как ученого заключается в том, что в изучении вопросов истории и духовности чувашей он опирается только на языковой материал.

* * *

XIX в. был ознаменован поиском финскими исследователями исторических корней своего народа. В экспедиции по России отправлялись лучшие лингвисты, этнографы и историки: А.И. Шёгрэн, М.А. Кастрен, Э.Н. Сетяля, Х. Паасонен и Ю.Й. Вихманн. Особое место в этом ряду занимает А. Альквист. Его трехлетнее научное путешествие по Среднему Поволжью положило начало серии последующих полевых

исследований восточных финнов и их соседей — чувашей, мишарей и казанских татар. Целью поездок А. Альквиста было изучение языковых и этнографических взаимодействий черемисов и мокши с близкими им географически тюркоязычными народами, в первую очередь с чувашами. Самобытность чувашей, сохранение ими традиционной веры, несмотря на сильное влияние ислама и православия, историко-этнографические связи этого народа с черемисами и мордвой — эти вопросы оставались в центре внимания финского ученого в его исследованиях в Среднем Поволжье. А. Альквист первым акцентировал внимание на симбиозе чувашей с восточнофинскими народами.

Источники и материалы

- Салминен 2004 — Салминен Т. Маттиас Александр Кастрен // Сто замечательных финнов: калейдоскоп биографий / Ред. Т. Вихавайнен. Хельсинки: Общество финской литературы, 2004. С. 228–235. https://kansallisbiografia.fi/pdf/kb_ru.pdf
- SKSA 1 — Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Arkisto. Kot. 54. (Ahlqvist A. Tschuwaschiska).
- SKSA 2 — Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Arkisto. Kot. 141.86 (Ilminky N.I. Letter to Ahlqvist A. 24.II.1889).
- SKSA 3 — Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Arkisto. Kot. 14297e (Ahlqvist August. Tscuwaschiska Sânger).

Научная литература

- Брубейкер Р. Этничность без групп / Пер. с англ. И. Борисовой. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.
- Винклер Э. Август Альквист как исследователь чувашского языка // Чувашский гуманитарный вестник. 2009. № 4. С. 113–123.
- Загребин А.Е. Два века финно-угорской этнографии // XII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов / Отв. ред. А.Е. Загребин, М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН; Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2017. С. 33–40.
- Загребин А.Е. Август Альквист: трудности этнолингвистического перехода // Урало-алтайские исследования. 2020. № 2 (37). С. 114–122. <https://doi.org/10.37892/2500-2902-2020-37-2-114-123>
- Карм С. Финно-угорский дискурс в эстонской этнологии (на примере исследования удмуртской культуры). Tartu: University of Tartu Press, 2019. <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2020-14-2-357-365>
- Киселёва Т. Первооткрыватель вепсов // Вепская литература: материалы и исследования / Сост. В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2011. С. 3–7.
- Нилова В. Миноритарная культура в политическом проекте, или Финляндия в поисках национального самосознания // Opera musicologica. 2009. № 2 (2). С. 60–77.
- Салмин А.К. Савиры, болгары и тюрко-монголы в истории чувашей. СПб.: Нестор-История, 2019.
- Aalto P. Oriental studies in Finland: 1829–1918. Helsinki: Tilgmann, 1971.
- Agyagási K. August Ahlqvist Stellung in der Geschichte der Erforschung des Tschuwaschischen // Ahlqvist A. Tschuwaschiska. Bd. I. Debrecen: Kossuth Egyetemi Kiadója, 2008. S. XV–XXXV.
- Agyagási K., Winkler E. Vorwort // Ahlqvist A. Tschuwaschiska. Bd. I. Debrecen: Kossuth Egyetemi Kiadója, 2008. S. XI–XIII.
- Ahlqvist A. Ensimmäinen matka-kertomus // Suomi, Tidskrift i fosterländska ämnen. 1856. Vol. XVI. Helsingfors: FLST, 1857a. P. 215–237.
- Ahlqvist A. Toinen matkakertomus // Suomi, Tidskrift i fosterländska ämnen. 1856. Vol. XVI. Helsingfors: FLST, 1857b. P. 238–252.
- Ahlqvist A. Aus einem Briefe des Candidaten Aug. Ahlqvist an Herrn A. Schiefner (Lu le 22 août 1856) // Bulletin de la classe des Sciences historiques, philologiques et politiques de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg. 1857c. n° XIV. P. 145–160.
- Ahlqvist A. Nachrichten über Tschuwaschen und Tscheremissen // Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland. Bd. 18. H. 1. Berlin, 1858. S. 39–64.

- Ahlqvist A. Tschuwaschiska. Bd. I / Ed. K. Agyagási. Debrecen: Kossuth Egyetemi Kiadója, 2008.
- Ahlqvist A. Tschuwaschiska. Bd. II / Ed. K. Agyagási. Debrecen: Kossuth Egyetemi Kiadója, 2010.
- Korhonen M. August Ahlqvist kielitieteilijänä // Ed. J. Anhava. Suomen kieli, suomen mieli: August Ahlqvist vaikuttajana. Helsinki: SKS, 1993. P. 55–69.
- Winkler E. August Ahlqvist als Erforscher des Tschuwaschischen // Ahlqvist August. Tschuwaschiska. Bd. I. Debrecen: Kossuth Egyetemi Kiadója, 2008. S. XXXVII–LX.

Research Article

Salmin, A.K. Chuvash's Distinctiveness in the Perception of August Ahlqvist [Samobytnost' chuvashiei v vospriiatii Avgusta Al'kvista]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2021, no. 2, pp. 97–110. <https://doi.org/10.31857/S086954150014809-9> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Anton Salmin | <https://orcid.org/0000-0002-1072-9933> | antsalmin@mail.ru | Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera), Russian Academy of Sciences (3 University Emb., St. Petersburg, 199034, Russia)

Keywords

August Ahlqvist, identity, distinctiveness, Chuvash, ethnic origins, history of ethnography, language

Abstract

The article examines the perception of the Chuvash national distinctiveness by August Ahlqvist, a nineteenth-century Finnish researcher and associate member of the St. Petersburg Academy of Sciences. It draws on Ahlqvist's various articles and manuscripts that were written on the basis of materials collected in the Middle Volga region. I attempt to describe the activities of Ahlqvist against the backdrop of Russian-Finnish relationships and in the context of a series of fieldtrips initiated by the Helsinki university. It was in the nineteenth century that the groundwork for academic research on historical roots of the Finns was laid, and it was then that Finns directed their sights to Russia. They were interested not only in eastern Finns (Komi, Cheremis, Moksha, Erzya), but also in Turkic and Mongolian peoples. While traveling among the Chuvash, Mishars, and Tatars, Ahlqvist collected information on ethnic origins, history, and ethnography; however, what interested him most was the specificities and distinctiveness of language and culture of the Chuvash. He argues that, from the historical point of view, the Chuvash were a unique and distinctive ethnic and cultural group that exhibited noteworthy differences in regard to all their neighbours.

References

- Aalto, P. 1971. *Oriental studies in Finland: 1829–1918*. Helsinki: Tilgmann.
- Agyagási, K., and E. Winkler. 2008. Vorwort [Introduction]. In *Tschuwaschiska* [Chuvashica], by A. Ahlqvist I: XI–XIII. Debrecen: Kossuth Egyetemi Kiadója.
- Agyagási, K. 2008. August Ahlqvist Stellung in der Geschichte der Erforschung des Tschuwaschischen [August Ahlqvist Position in the History of the Exploration of Chuvash]. In *Tschuwaschiska* [Chuvashica], by A. Ahlqvist I: XV–XXXV. Debrecen: Kossuth Egyetemi Kiadója.
- Ahlqvist, A. 1857. Aus einem Briefe des Candidaten Aug. Ahlqvist an Herrn A. Schiefner (Lu le 22 août 1856) [From a Letter from the Candidate Aug. Ahlqvist to Mr. A. Schiefner (Read on August 26, 1856)]. *Bulletin de la classe des Sciences historiques, philologiques et politiques de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg* XIV: 145–160.
- Ahlqvist, A. 1857. Ensimmäinen matka-kertomus [First Travel Report]. *Suomi, Tidskrift i fosterländska ämnen*. 1856 XVI: 215–237. Helsingfors: FLST.
- Ahlqvist, A. 1857. Toinen matkakertomus [Second Travel Report]. *Suomi, Tidskrift i fosterländska ämnen*. 1856 XVI: 238–252. Helsingfors: FLST.

- Ahlqvist, A. 1858. Nachrichten über Tschuwaschen und Tscheremissen [News about Chuvash and Cheremisse]. *Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland* 18 (1): 39–64. Berlin.
- Ahlqvist, A. 2008. *Tschuwaschiska. Bd. I* [Chuvashica. Pt. I], edited by K. Agyagási. Debrecen: Kos-suth Egyetemi Kiadója.
- Ahlqvist, A. 2010. *Tschuwaschiska. Bd. II* [Chuvashica. Pt. II], edited by K. Agyagási. Debrecen: Kos-suth Egyetemi Kiadója.
- Brubaker, R. 2012. *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity without Groups], translated by I. Borisova. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2012.
- Karm, S. 2019. *Finno-ugorskii diskurs v estonskoi etnologii (na primere issledovaniia udmurtskoi kul'tury)* [Finn-Ugric Discourse in Estonian Ethnology (Example of Udmurt Culture Study)]. Tartu: University of Tartu Press. <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2020-14-2-357-365>
- Kiseleva, T. 2011. Pervootkryvatel' vepsov [The Discoverer of Veps] In *Vepsskaia literatura: materialy i issledovaniia* [Veps Literature: Materials and Research], edited by V. Ogryzko, 3–7. Moscow: Literaturnaia Rossiia.
- Korhonen, M. 1993. August Ahlqvist kielitieteilijänä [August Ahlqvist as a Linguist]. In *Suomen kieli, suomen mieli: August Ahlqvist vaikuttajana*, edited by J. Anhava, 55–69. Helsinki: SKS.
- Nilova, V. 2009. Minoritarnaia kul'tura v politicheskom proekte, ili Finliandiia v poiskakh natsional'nogo samosoznaniia [Minority Culture in a Political Project, or Finland in Search of National Identity]. *Opera musicologica* 2 (2): 60-77.
- Salmin, A.K. 2019. Saviry, bulgary i tiurko-mongoly v istorii chuvashei [Savirs, Bulgars and Turko-Mongols in the History of the Chuvash]. St. Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Winkler, E. 2008. August Ahlqvist als Erforscher des Tschuwaschischen [August Ahlqvist as an Explorer of Chuvash]. In *Tschuwaschiska* [Chuvashica], by A. Ahlqvist I: XXXVII–LX. Debrecen: Kos-suth Egyetemi Kiadója.
- Winkler, E. 2009. Avgust Al'kvist kak issledovatel' chuvashskogo yazyka [August Ahlqvist as a Researcher of Chuvash Language]. *Chuvashskii gumanitarnyi vestnik* 4: 113–123.
- Zagrebin, A.E. 2017. Dva veka finno-ugorskoi etnografii [Two Centuries of Finno-Ugric Ethnography] In *XII Kongress antropologov i etnologov Rossii: sb. materialov* [12th Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia: Collection of Writings], edited by A.E. Zagrebin and M.Yu. Martynova, 33–40. Moscow IEA RAN; Izhevsk: UIIIaL UrO RAN.
- Zagrebin, A.E. 2020. Avgust Al'kvist: trudnosti etnolingvisticheskogo perekhoda [August Ahlqvist: Difficulties of Ethnolinguistic Transition]. *Uralo-altaiskie issledovaniia* 2 (37): 114–122. <https://doi.org/10.37892/2500-2902-2020-37-2-114-123>